

**ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ
ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

В предлагаемой статье мы хотели бы обратить внимание на важность изучения историко-этнографических аспектов процессов формирования наций и национальных культур на примере Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, т. е. приблизительно во второй половине XVIII в.— 1870-х годах.

Исследование этого многопланового и отчасти асинхронного процесса, усложненного национально-политическим угнетением большей части народов ареала, сделало в последние годы заметные успехи. Не имея возможности подробнее останавливаться на историографии вопроса, отметим, однако, что эта проблематика получила освещение в трудах ученых ряда европейских социалистических стран, прежде всего в ВНР (Э. Арато, Э. Нидерхаузер), ЧССР (М. Грох, И. Кочи, В. Матула, А. Робек), НРБ (С. Генчев, В. Паскалева, Х. Гандев, Х. Христов), ГДР (Э. Винтер) и др. Эта проблематика широко и плодотворно разрабатывается советскими учеными. Наряду с серией трудов «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры» можно назвать монографии и статьи Н. Н. Грацианской, В. Е. Гусева, Б. Н. Путилова, Ю. И. Смирнова и др.¹ И хотя собранные в этих и других исследованиях конкретные наблюдения и выводы не охватывают всех народов ареала, они создают благоприятные условия для дальнейших, более широких сравнительно-исторических обобщений.

Все же собственно этнографические аспекты становления наций и национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе по сравнению с другими сторонами этого процесса изучены недостаточно, на что в разное время неоднократно обращали внимание как советские ученые, так и многие их зарубежные коллеги². И в самом деле, важность и актуальность учета названных аспектов очевидна прежде всего потому, что это позволяет лучше рассмотреть механизм этносоциального развития периода перехода от феодализма к капитализму, более полно охарактеризовать то, что мы предлагаем называть процессом нарастания этносоциальной базы нации, и решающую роль в нем широких масс трудового населения города и деревни.

Исходными для нашей работы стали основные положения теории этноса, развиваемые советскими учеными³. Согласно этой теории, основанной на принципах исторического материализма, нация является одним из типов этносоциальной организации, общностью более высокого порядка по сравнению с предшествующей ей феодальной народностью. Конкретное исследование процессов перехода от феодальной народности

¹ Из книг названной серии наибольший интерес для нашей темы имеют следующие: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977; Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.— 1849 г. М.: Наука, 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М.: Наука, 1981; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981; Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1982; Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1984; У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984.

² См., например, отчет: *Schöne B. Wissenschaftliche Konferenz «Volk und Volkskultur in der Periode der nationalen Wiedergeburt»*.— In: *Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte*. В., 1982, В. 25, N. F., В. 10, S. 200—201.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981; *его же*. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

к нации, в том числе на материалах Центральной и Юго-Восточной Европы, показывает, что они были длительными, а отдельные составляющие их компоненты вызревали разновременно⁴. В связи с этим наряду с «национальным» периодом, когда соединение этих компонентов в систему приводило к появлению нового интегративного качества, целесообразно выделять период «преднациональный», когда спорадически зарождались отдельные части будущей системы. Время и длительность существования этого «преднационального» периода, представлявшего собой одновременно завершающий этап развития феодальной народности, устанавливаются путем анализа конкретного материала. Так, в истории чешского, польского и венгерского этносов одним из внешних показателей этого периода может служить распространение идей гуманизма и Реформации до начала XVII в.

Историко-этнографическое изучение процессов формирования наций и национальных культур с учетом сказанного должно предусматривать рассмотрение по крайней мере двух ключевых проблем: во-первых, особенностей этносоциального развития периода перехода от феодализма к капитализму и, во-вторых, его воздействия на соционормативную — бытовую и поведенческую — культуру (а равно и обратный процесс).

Исследование этносоциального развития народов ареала представляет собой двудеятельную задачу, поскольку собственно этнические процессы протекали в связи с социальными изменениями общества в период разложения феодальных и роста новых, буржуазных отношений. Наряду с основными классами феодального общества — помещиками и крестьянами в социальной структуре деревни все большую роль начинали играть слои, втягивавшиеся в развивавшееся капиталистическое хозяйство. Возрастало число крестьян, работавших на рынок или же в рассеянных мануфактурах, переходивших на положение лиц наемного труда, занятых в мануфактурном, а позднее в фабрично-заводском производстве. Сходные изменения протекали и в городской среде, где вследствие усиливавшегося социального расслоения обострялось несоответствие правовой, по внешности еще чисто феодальной квалификации горожан их фактическому положению и роду занятий. В частности, усилилось разорение мещан, утрачивавших городские права, росло имущественное расслоение среди цеховых и внецеховых ремесленников. Здесь мы отмечаем лишь ведущие тенденции процесса, который в конкретных странах и регионах рассматриваемого ареала протекал разновременно: быстрее — в Центральной Европе, несколько более замедленно — на Балканах. В первом случае конечной гранью была середина XIX в., во втором — освобождение народов Юго-Восточной Европы от османского ига в основном в последней четверти XIX в.

Как показано в исследованиях советских ученых и их венгерских и чехословацких коллег, переход народов Центральной и Юго-Восточной Европы от феодализма к капитализму совершался в условиях либо «полных», либо «неполных» социальных структур. К народам с «полными» социальными структурами относились венгры, поляки и хорваты, имевшие «свой» феодальный класс, а также давние и непрерывные государственно-правовые традиции. Большинство же угнетенных народов ареала относилось к категориям народов с «неполными» социальными структурами. Наряду с отсутствием непрерывной государственно-правовой традиции (у многих народов оборвавшейся еще в период раннего средневековья), а в ряде случаев и политического единства коренной этнической территории у таких народов не было и «своего» класса феодалов. Это следует понимать неоднозначно: в условиях иноземного гнета феодальные классы угнетенного этноса не только физически истреблялись или изгонялись и лишались земельной собственности, но и подвергались ассимиляции. В последнем случае сохранение за ними прав-привилегий

⁴ Об особенностях формирования наций у народов Австрийской империи см.: Освободительные движения народов Австрийской империи, с. 361—415; *Фрейдзон В. И.* К проблеме перехода от феодальных народностей к нации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — Новая и новейшая история, 1983, № 4, с. 49—67.

было обусловлено требованием политической лояльности и перехода в официальную религию государств-захватчиков: католическую (в Чешских землях после 1620 г.), мусульманскую (балканские народы в Османской империи) и т. п. В зависимости от конкретной ситуации могли существовать разного рода промежуточные варианты. Так, у чехов в рассматриваемый период «свой» класс феодалов отсутствовал, а чешские помещики, за малым исключением, влились в состав австронемецкого господствующего феодального класса. Вместе с тем в Чешских землях, хотя и чисто номинально, сохранялись традиционные средневековые государственно-правовые институты, в том числе земские сеймы. В этом смысле утратившее свою независимость Чешское государство юридически продолжало свое существование в рамках монархии Габсбургов.

Отмеченные различия во многом определяли характер тех социальных сил, которые становились во главе зарождавшихся в эти десятилетия национально-освободительных движений. Так, в Венгрии и на определенном этапе в Польше и Хорватии это были различные группы дворянства, у остальных народов ареала — мелкая городская, торговая и сельская буржуазия и т. п. Отмечая сложность картины развития национально-освободительного движения, В. И. Ленин высказал глубокую мысль о том, что с буржуазными тенденциями в зависимости от конкретно-исторических условий могли быть связаны «различные слои *имущих* товаропроизводителей»⁵.

Выявление «полных» или «неполных» социальных структур этносов в эпоху перехода от феодализма к капитализму чрезвычайно важно также для понимания характера и отчасти перспектив этнического развития. В обстановке национального угнетения (а такая ситуация для большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы была, как мы отметили, типичной) наличие «полных» социальных структур существенно облегчало этносоциальное развитие, о чем, в частности, позволяет судить пример Венгрии. Наоборот, отсутствие «своего» феодального класса при полном (словаки, словенцы) или длительном (болгары) отсутствии государственно-правовых традиций не просто усложняло, но серьезно тормозило процесс становления наций и национальных культур. В этих случаях появление в ходе последующего развития «полных» социальных структур выступало в качестве компенсаторного фактора, который обеспечивал возможность преобразования народности в нацию. Когда этого фактора не было, как свидетельствовала этническая история сербско-жичкокого населения, народность феодального типа сменялась не нацией, а народностью капиталистического типа. Предлагаемый вывод заслуживает анализа и проверки на типологически сходных материалах других регионов.

Неполноправное положение большей части народов рассматриваемого ареала, усугубленное полиэтничностью занимаемых ими территорий, приводило к весьма своеобразному феномену: вызревание этносоциальных структур буржуазного типа происходило как бы в двух планах. Один из них отражал общий для всего ареала и отдельных его регионов процесс перехода от феодализма к капитализму, другой — возникновение социальной базы формировавшихся наций. И хотя оба эти плана были теснейшим образом взаимосвязаны, между ними довольно рано обозначились различия, которые невозможно не учитывать. Так, появление крупной промышленной и торгово-финансовой буржуазии в Чешских землях, как и втягивание в буржуазное предпринимательство части дворян, свидетельствовало о достаточно высоком по австрийским стандартам уровне развития капитализма. Но указанные классы принадлежали к австрийским буржуазии и дворянству и непосредственного участия в формировании чешской нации не принимали. Реальной базой складывавшейся чешской нации в рассматриваемый период были поэтому не все классы и социальные слои, связанные с капиталистическим развитием Чешских земель, а лишь те из них, которые обладали определенным уровнем чешского самосознания и не только объективно, но и субъектив-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 26, с. 144.

но участвовали в этносоциальной эволюции чешского народа периода перехода от феодализма к капитализму. К ним в массе своей относились чешские крестьянство, национально мыслящее городское население, особенно средних и небольших городов и местечек, возникавший чешский промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, мелкая городская и сельская буржуазия, национальная интеллигенция, низшее духовенство, мелкое чиновничество и другие промежуточные группы. Мы привели в качестве примера Чешские земли, однако во многом сходные по механизму протекания процессы обнаружены и у других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Поэтому принимая во внимание этническую и социальную многоукладность ареала при изучении протекавших здесь процессов складывания наций, необходимо учитывать эволюцию не только социальных, но в первую очередь этносоциальных полных и неполных структур.

Отмеченная выше двухплановость социально-экономического развития в Центральной и Юго-Восточной Европе эпохи перехода от феодализма к капитализму, вызывавшая необходимость выделения этнического аспекта социального развития, имеет непосредственное отношение к решению второй из поставленных задач — проследить перемены в бытовой и соционормативной культуре основных классов и социальных групп в период формирования наций и национальных культур.

В самом общем виде можно констатировать, что наряду с сохранением, хотя бы и в трансформированном виде, традиций, сформировавшихся в предшествующие периоды, возникали новые явления, в которых отражались не только социально-экономические, но и психологические перемены, вызванные разложением феодальных отношений и ростом капитализма. Эту проблему можно рассматривать с двух точек зрения.

С одной стороны, переходный период оказывал воздействие на условия жизни и быта господствующих феодальных классов. Крупная земельная аристократия в ряде случаев постепенно втягивалась в предпринимательскую деятельность, стремясь удержать привычный для нее уклад жизни. Часть дворянства разорялась и оказывалась вынужденной добывать средства к существованию крестьянским трудом (однодворцы) или же за счет государственной и частной службы. Переселяясь в города, такие дворянские семьи чаще всего снимали квартиры и по образу жизни приближались к средним слоям, а нередко, например в Польше и Венгрии, пауперизировались. Оставаясь в сельской местности, такие дворяне по образу жизни и роду занятий мало отличались от крестьян. Сохраняя, однако, свои привилегии (например, право участия в дворянском самоуправлении), они всячески стремились подчеркнуть свой более высокий статус по сравнению с окружающим населением. В Венгрии, например, этой цели служило оформление интерьера жилища: высокие потолки темного резного дерева, развешанные в гостиной дворянские регалии, портреты Ференца Ракоци и других дворянских деятелей, предметы городской обстановки и т. п.

С другой стороны, перемены в бытовой и нормативной культуре наиболее ощутимо сказывались в народной среде и у тех социальных кругов, которые были связаны с развитием буржуазных отношений. Так, в Чешских землях, где подавляющая часть крестьян в этническом отношении была чешской, их сословная солидарность имела не только экономические, но и социально-психологические корни, реализуясь в выработке норм взаимопомощи сельского населения. С 1780-х годов, например, установился обычай, согласно которому отец передавал своему старшему сыну по достижении 24-летнего возраста ведение хозяйства, а сам вместе с женой получал пожизненное содержание — так называемый «выменек»⁶. Размеры его были достаточно высокими и зависели в каждом конкретном случае от мощности хозяйства и взаимной договоренности сторон. Во избежание недоразумений подобная договоренность час-

⁶ О бытовании этого обычая в ганацких деревнях Моравии см.: *Грацианская Н. Н.* Этнографическое изучение Моравии. К истории этнического развития. М.: Наука, 1975, с. 62.

то фиксировалась юридически. Родителям выделялось в доме жилое помещение, где они проживали нередко с внуками, за которыми обязаны были ухаживать.

Сравнивая свое положение с положением городской бедноты, крестьяне, даже обладавшие минимальным земельным наделом, считали себя независимыми. Но и безземельные крестьяне, батраки, в отличие от немущего городского населения знали, что в старости могут рассчитывать на какую-то помощь со стороны односельчан. В частности, зажиточные крестьяне создавали за счет добровольных пожертвований благотворительные фонды, действовавшие обыкновенно при местных костелах. Для распоряжения этими средствами на общинных сходах избиралось особое доверенное лицо — «отец бедных». Примечательно, что, по-видимому, не без влияния такой практики в начале XIX в. по инициативе промышленных рабочих стали возникать кассы взаимопомощи, получившие значительное распространение в середине того же столетия.

Мы подробнее остановились на этом примере, поскольку он достаточно ярко отражает противоречивый характер переходного периода. С одной стороны, возникновение подобных институтов в крестьянской, а затем и в рабочей среде свидетельствовало об интенсивности процесса социальной дифференциации в городе и деревне. С другой стороны, это говорило об изменениях в этническом и социальном самосознании народных масс, освобожденных в 1781 г. согласно патенту Иосифа II от личной крепостной зависимости, а также о пробуждении у крестьян и рабочих классового самосознания, росте солидарности и взаимопомощи.

Ряд примечательных перемен происходил в рассматриваемый период и в этнокультурном положении буржуазных слоев. Как правило, на первых порах крупная промышленная и торгово-финансовая буржуазия состояла из лиц инонационального (по отношению к данному коренному этносу) происхождения. Ее представители стремились по возможности самоутвердиться путем внешнего приближения к стилю жизни дворянства, обзавестись дворянскими дипломами, поместьями, городскими особняками, своими размерами и интерьерами походившими на поместья и дворцы аристократии. В действительности национально-освободительные устремления народных масс были этой буржуазии безразличны.

Подобное стремление приобщиться к культуре социальных верхов на более скромном уровне достатка и материальных возможностей было характерно и для мелкобуржуазных слоев. Здесь оно, однако, дополнялось национально-патриотическими мотивами, вне учета которых понять особенности быта и культуры этих слоев в период формирования наций невозможно. Отмеченное обстоятельство между прочим явилось одной из важнейших причин широкого бытования в Центральной Европе 30—40-х годов стиля бидермайера.

О переходном этапе в развитии бытовой и нормативной культур свидетельствуют и распространявшиеся в период формирования наций художественные стили, складывавшиеся как синтез культуры различных эпох, переосмысливавшихся народными мастерами. Значительный интерес, например, представляет так называемое народное барокко в Чехии и Венгрии, наложившее отпечаток на внешний облик и планировку крестьянской усадьбы, характерное и для первой половины XIX в. Чертами стилевого синтеза отмечена и бытовая культура эпохи болгарского национального Возрождения. Постройки этого периода нередко несли на себе отпечаток не только современных той эпохе европейских и восточных стилей, но и черты культуры европейского Ренессанса XV—XVI вв.

Черты такого синтеза стилей обнаруживаются во многих сферах бытовой и нормативной культуры периода формирования наций и заслуживают систематического и сопоставительного исследования, в частности в истории костюма.

Деятели культуры ряда народов ареала не только отмечали это обстоятельство, но в разное время делали попытки использовать его для

пропаганды идей национального самосознания⁷. Широко известна роль «венгерского» костюма в антиавстрийской национально-освободительной борьбе. Эту тему неоднократно затрагивал, например, в своей автобиографической работе «Мой жизненный путь» один из вождей венгерской революции 1848—1849 гг. М. Танчич. Типологически сходными были попытки деятелей эпохи чешского национального Возрождения, устраивавших в 1840-х годах так называемые «национальные балы», участники которых одевались в национальные костюмы, а равно и распространившаяся в период революции 1848—1849 гг. мода на «славянские костюмы», которые в стилизованной форме должны были по замыслу их создателей и приверженцев служить пропаганде идей славянской солидарности. В обстановке революции, а затем и в первые годы режима полицейского неабсолютизма 1850-х годов подобная мода имела отчетливо выраженный антигабсбургский характер.

Связь народного костюма с этнической историей страны должным образом не изучена, хотя в болгарской этнографии уже делались подобные попытки. Обратив внимание, что в эпоху болгарского национального Возрождения развитие шло от локального разнообразия к этнотерриториальной интеграции, М. Велева делает следующее заключение: «Начало второго периода в развитии болгарского народного костюма следует отнести ко времени подготовки национального Возрождения, славнейшей эпохи в истории болгарского народа. Качественно новые костюмы возникли тогда на почве этнического и культурного сплочения единой народности»⁸. Приведенный пример показывает, что детальное страноведческое и сопоставительно-ареальное изучение связей, существующих между отдельными видами соционормативной культуры, с обязательным учетом их этнической и локальной специфики должно стать одним из ведущих направлений историко-этнографического исследования процессов формирования наций и национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе⁹. Особое внимание следовало бы уделить эволюции техники и технологии промышленного и аграрного производства в связи с протекавшими в тот период этносоциальными процессами (например, динамика роста капитализма в сельском хозяйстве, имущественная дифференциация крестьянства, формирование промышленного пролетариата, этнокультурные сдвиги и т. п.). Подчеркиваем актуальность этой темы, поскольку она, имея важное, а во многих случаях — ключевое значение, до сих пор под интересующим нас углом зрения изучена недостаточно.

Рассмотрение перемен в бытовой и соционормативной культуре эпохи формирования наций невозможно без учета этнодемографической и этнолингвистической ситуации, что особенно важно при сложном и этнически пестром составе ареала: этническая и социальная база формировавшихся здесь наций не была равнозначна этническому и социальному составу той территории, на которой этносоциальное развитие протекало.

Все более усиливавшееся под воздействием капиталистического развития перемещение населения из сельской местности в городские центры, а также из одних районов в другие, а иногда и межрегиональные и межгосударственные миграции существенно меняли прежнюю этнодемографическую ситуацию, стимулировали интеграционные и ассимиляци-

⁷ См., например, высказывание венгерского просветителя Д. Бешшеней — В кн.: Избранные произведения венгерских мыслителей. Конец XVIII — середина XIX в./Сост. Хевеши М. А. М.: Наука, 1965, с. 52.

⁸ Велева М. За периодизацията в развитието на българските народни носии. — Известия на етнографския ин-т и музей, 1974, кн. 15, с. 41.

⁹ Из последних работ, в которых обращено внимание на необходимость учета местного разнообразия культуры славянских и балканских народов, см. статью: Свирида И. И. Художественная культура эпохи формирования наций как историко-культурная проблема. — Сов. славяноведение, 1983, № 1, с. 67—77. Особо нужно подчеркнуть важность учета природно-экологических факторов, обуславливающих типологическое сходство или, наоборот, локальные различия отдельных этнических культур. Это обстоятельство на примере сходства ряда элементов культуры горцев Албании, балканских славян и народов Кавказа показала в своих работах Ю. В. Иванова.

онные процессы и т. д., оказывая определенное воздействие и на этнолингвистическое развитие.

Не затрагивая в данном случае реформ по кодификации национальных литературных и разговорных (наддиалектных) языков, предпринимавшихся деятелями освободительных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе той эпохи¹⁰, подчеркнем важность исследования лингвистических аспектов в сфере народной культуры. В. И. Ленин отмечал, что «пробуждение масс к обладанию родным языком и литературой» есть «необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи»¹¹. Поэтому в народной — сельской и городской — среде выработка общенационального литературного и разговорного языка как необходимого средства коммуникации выполняла одновременно функцию этнического определителя и выступала средством выражения национального самосознания — одного из важнейших признаков формировавшейся нации¹². Генезис национального самосознания вообще заслуживает самого пристального внимания как с этносоциальной, так и с этнопсихологической точки зрения. Примечательны, например, факты «чехизации» городов Чешских земель в начале и середине XIX в. не только за счет переселения туда масс сельского населения коренной национальности, но в ряде случаев главным образом за счет сознательного самоотнесения к коренной национальности тех слоев горожан, которые прежде были ассимилированы или принадлежали к иному (немецкому, польскому, еврейскому) этносу. Подобные явления зафиксированы и для других народов ареала (венгры, словаки, болгары и т. д.). В целом этнопсихологический аспект процесса формирования наций требует комплексного анализа с применением там, где это возможно, статистических и социологических методов исследования¹³.

Подводя итоги сказанному, можно на примере народов Центральной и Юго-Восточной Европы констатировать чрезвычайную актуальность историко-этнографических исследований в контексте междисциплинарного изучения процессов формирования наций и национальных культур. Эти исследования, по нашему мнению, могли бы включать следующие основные компоненты: во-первых, рассмотрение этнической специфики национальных процессов периода перехода от феодализма к капитализму, в том числе этнодемографические, этнолингвистические и иные порядковые факторы; во-вторых, выявление их сопряженности и взаимных связей с развитием разных видов и форм бытовой и нормативной культуры, включая этнопсихологические процессы, связанные со становлением наций и национальных культур (под этим углом зрения целесообразно было бы, в частности, рассмотреть роль в указанных процессах фольклора); в-третьих, установление функциональной роли и системообразующего значения названных выше компонентов и степени воздействия на них этнодифференцирующих и этноинтегрирующих процессов в сочетании с культурными традициями и инновациями.

Как видно, намеченная проблематика не сводится к исследованию только народной культуры, хотя последняя будет, несомненно, занимать в ней преобладающее место. Дальнейшее развитие, конкретизация и детализация приведенных соображений способствовали бы органическому включению историко-этнографических исследований в междисциплинарное изучение механизма и типологии национальных процессов, в том числе у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в эпоху перехода от феодализма к капитализму.

¹⁰ Эта проблематика получила достаточно подробную разработку, например, в кн.: Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 30, с. 89.

¹² Мыльников А. С. Народная культура и генезис национального самосознания. — Сов. этнография, 1981, № 6, с. 3—13.

¹³ С этой точки зрения представляет интерес дискуссия по данному вопросу, организованная журналом «Советская этнография» (1983, № 2, с. 62—87; № 3, с. 67—85; № 4, с. 3—13).